

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1970.2.05>

Н. БАССЕЛЬ

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА И ПУТИ ИХ ВОПЛОЩЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

В ленинской концепции социалистической культуры существенное место занимает проблематика национального и интернационального, их диалектических соотношений, без глубины раскрытия которой невозможно осмыслить пути развития советской многонациональной литературы. В этой концепции находят органическое продолжение и развитие — применительно к сфере культуры — основополагающие принципы ленинской национальной политики, сформулированные в таких работах, как «Тезисы по национальному вопросу» (1913), «Критические заметки по национальному вопросу» (1913), «К вопросу о национальной политике» (1914), «О национальной гордости великороссов» (1914) и др. Последовательный интернационалист по своим убеждениям, В. И. Ленин в «Критических заметках по национальному вопросу» формулирует известный тезис о том, что, «ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только и безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации»¹ (курсив В. И. Ленина), вскрывая тем самым неприемлемость для марксиста любой нации буржуазного лозунга единой «национальной культуры» в условиях эксплуататорского общества и в то же время предопределяя перспективы развития культуры, как демократической и интернациональной, в обществе, свободном от эксплуатации. Однако, как справедливо отмечает В. И. Ленин в той же работе, «интернациональная культура не безнациональна»², в культуре каждого народа он закономерно выделяет как «великие всемирно-прогрессивные черты» — «ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи».³ В условиях социализма была преодолена свойственная эксплуататорскому обществу тенденция к разделению каждой национальной культуры на две культуры, стала формироваться единая для каждого народа культура — социалистическая по содержанию и национальная по форме, изменилось само содержание понятия «национальное». В 1919 г., т. е. на самой заре существования новой, социалистической культуры, В. И. Ленин подчеркивал, что «мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке»⁴, предопределяя тем самым путь, по которому каждая из многочисленных, задавленных царизмом народностей старой России может прийти к культурному расцвету в условиях социализма. Что касается новых принципов взаимоотно-

¹ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 121.

² Там же, стр. 120.

³ Там же, стр. 122.

⁴ В. И. Ленин, Ответ на вопросы американского журналиста. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 114.

шений между нациями и национальными культурами при социализме, то в проекте Программы партии, над которым Ленин работал в 1919 г., указывалось, что «со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется особая осторожность в отношении к национальному чувству наций угнетенных..., содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения».⁵ В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920) В. И. Ленин рассматривает диалектику национального и интернационального в политическом аспекте, имея в виду такое применение основных принципов коммунизма в конкретных национальных условиях, «которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»⁶ (курсив В. И. Ленина). Но, думая о перспективе развития литературы и культуры угнетенных ранее народов России, Ленин не мыслил ее иначе как интернационалистически, ибо «целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их».⁷ Имея это в виду как конечную цель, выдвигая лозунг создания «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения» как задачу, неуклонно реализуемую уже в ходе строительства социализма, В. И. Ленин призывал, естественно, не к форсированию этого слияния, а к такому развитию социалистических национальных культур, при котором диалектически сочетались бы их расцвет и сближение между собой, их многообразие и единство. Как верно отмечает М. Пархоменко, «можно спорить о методах и средствах, то есть тактических моментах строительства такой культуры, искусства, литературы. Но идея единения, сближения наций и их культур заложена в творческом духе ленинизма и в конкретных высказываниях В. И. Ленина».⁸ Ленинские принципы интернационализма литературы нашли воплощение в положениях Программы КПСС о том, что, «придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества».⁹ Когда мы говорим о сближении и взаимообогащении литератур советских социалистических наций как об одной из ведущих закономерностей литературного развития в нашей стране, в этом нельзя не увидеть реализацию ленинских принципов интернационализма литературы. Однако интернационализм литературы в ленинском понимании — это не только принцип межнациональных литературных отношений. Как явствует из многих высказываний Владимира Ильича, он мыслит его многосторонне — и в плане интернациональной общезначимости художественного опыта выдающегося национального писателя (напр. Л. Н. Толстого), и как коренное качество самой национальной литературы, составляющее ее всемирно-прогрессивную черту, и как определение будущей единой культуры человечества. В настоящей статье предметом рассмотрения служат первые два аспекта, помогающие проследить, как интернациональное качество вызревает в самом национальном организме литературы, составляя первейшую предпосылку и для взаимообмена ценностями культуры с другими народами. При этом необходимо иметь в виду, что В. И. Ленин, раскрывая в своих статьях («Л. Н. Толстой», 1910 и др.) мировое, общечеловеческое значение творчества Л. Н. Толстого, увязывал его непосредственно с глубиной раскрытия им существенных сторон и внутренних противоречий российской действительности, народной жизни и мироощущения, ставил его

⁵ В. И. Ленин, Проект программы РКП(б). Полн. собр. соч., т. 38, стр. 111.

⁶ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

⁷ В. И. Ленин, Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 256.

⁸ М. Пархоменко, Ясное сознание братского единства. «Вопросы литературы», 1969, № 2, стр. 25.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 115.

в прямую связь с мировым значением опыта русской революции.¹⁰ Такой методологический подход к диалектике национального и общечеловеческого, при котором главным критерием последнего берется глубина художественного постижения существенных сторон жизни своего народа, общезначимость и важность этого для других, представляется чрезвычайно плодотворным.

Если под этим углом зрения взглянуть на эстонскую литературу, нетрудно заметить, как в различных формах вызревало в ней общечеловеческо-интернациональное качество еще в лучших произведениях досоветского периода. Как общечеловеческое философско-этическое начало оно прослеживается в пятитомной эпопее крупнейшего эстонского критического реалиста А. Х. Таммсааре «Правда и справедливость» (1926—1933), где автор на глубоко специфическом национальном материале эстонской действительности конца прошлого — первых десятилетий нашего века стремится дать эпическое, философское по своей сути осмысление судьбы человека из народа в его отношениях с природой, богом, революцией, обществом, землей. Как философ-гуманист, Таммсааре мыслит Человека вообще, как критический реалист — он имеет в виду эстонского крестьянина Андреса и его сына, интеллигента из народа Индрека, их реальные и мучительные поиски правды и справедливости.

В эстонском пролетарском романе 20—30-х годов («На птичьих правах» Эссааре Ааду (1922), «Ниспровергатели» (1929) и «Республика» (1936—1941) Юхана Мадарика) впервые воссоздан эстонский национальный характер революционера-подпольщика, борющегося против буржуазно-националистической диктатуры в Эстонии. Здесь интернациональное выступает в мотивах действия и чертах характера пролетарского революционера, определяемых в первую очередь классовым началом. Это же начало сплачивает в единый интернациональный коллектив и героев пьесы Эвальда Таммлаана «Железный дом» (1937) — матросов разных национальностей, организовавших бунт против хозяев судна, везущего оружие в объятую огнем гражданской войны Испанию. Здесь интернациональное — в концепции произведения, составе его действующих лиц, проблематике — непосредственно смыкается с антифашистским. Такое понимание интернационализма приближает не только драматурга Таммлаана, но и прогрессивных эстонских поэтов И. Барбаруса, И. Семпера, А. Алле и других к социалистическим интернационалистским позициям. С другой стороны, в своем последнем романе «Новый Нечистый из самого пекла» (1939) Таммсааре приходит к глубокому осознанию и оправданию необходимости борьбы с насилием, с конкретным социальным злом. Подчеркнутым аллегоризмом обрамления романа он акцентирует общечеловечность, универсальность своего вывода, воплощенного в конкретно-реалистическом сюжете произведения — о простодушном крестьянине Юрке и его угнетателе Хитром Антсе — в яркой национально-своеобразной форме, с элементами эстонской фольклорной традиции. Естественно, было бы неравномерной натяжкой все эти, да и другие формы проявления общечеловеческого начала в эстонской литературе досоветского периода искусственно подтягивать к тому пониманию интернационализма, которое исходит из марксистских классовых критериев анализа общественного развития и становится последовательной литературной концепцией лишь в советское время. Важнее другое: в какой бы форме общечеловеческое начало в названных произведениях эстонской литературы ни проявлялось — оно нигде, пользуясь словами Г. Ломидзе, «не придается национальному как внешний усилитель, а неразрывно слито с национальным»¹¹, органически вырастает из него; мера же общечеловеческого определяется во всех этих случаях философской и социальной значимостью — как для своего, так и для других народов — того, о чем говорит художник и как говорит. В условиях же Советской Эстонии сама эта традиция оказывается чрезвычайно важной — оплодотворенная марксистско-ленинским мировоззрением, новым качеством самой национальной почвы, она дает богатые всходы. Формируется социалистический интернационализм как коренное и целенаправленное качество эстонской советской литературы — «качество социальное и у писателя

¹⁰ В. И. Ленин, Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19.

¹¹ Г. Ломидзе, Интернациональный пафос советской литературы. М., 1967, стр. 108.

и у самих герсев, мировоззренческое, идейно-эстетическое», а не тематическое только, «хотя, конечно, существенна и сама тема интернационализма».¹²

Формирование такого интернационализма эстонской литературы начинается уже в первый год Советской власти в Эстонии, проявляясь в различных формах. Этому способствует возникающее и у эстонцев «чувство семьи единой» с другими народами Советского Союза, осознание себя равноправными участниками советского многонационального содружества. Чувство это находит яркое выражение в стихотворении Юхана Сютисте «Грузии» (1941), одном из первых в Эстонии произведений о ленинской дружбе народов, в котором в одном поэтическом ряду закономерно соседствуют Руставели и Маяковский, Советская Грузия и Эстония. Новое для эстонского рабочего человека ощущение себя равноправным хозяином всех богатств Советской страны находит выражение в рассказе Аугуста Якобсона «Путевка» (1941). Особенно же ярко проявляется чувство социалистического интернационализма в эстонской советской литературе периода Великой Отечественной войны. В таких рассказах, как «Братья» Ааду Хинта, «Последние защитники», «Через горы», «Моя палата» Эдуарда Мянника и др., оно выражается в изображении боевого братства эстонских советских воинов с представителями других народов Советской страны — братства, скрепленного кровью в совместной борьбе с фашизмом. Чувство это оказывается на поверку сильнее, чем даже чувство национальной и семейной общности («Братья» А. Хинта, «На мысе Пальяссаар» Эд. Мянника). В эстонской советской поэзии военного времени интернационализм сливается воедино с антифашистским патриотическим началом — в стихотворениях А. Алле, И. Барбаруса, Я. Кярнера, М. Рауда, И. Семпера и др. Антифашистско-интернационалистическую миссию выполняют и обращенные в глубь национальной истории произведения эстонских поэтов, посвященные борьбе древних эстов с немецкими завоевателями («Юрьева ночь» И. Барбаруса, «Огни Юрьевой ночи» и «Баллада Каарнамяэ» Я. Кярнера). Многочисленны в этот период и стихотворения о дружбе советских народов в годы войны — о Москве и Ленинграде (И. Барбаруса, М. Рауда, Д. Вааранди), об Украине, Казахстане и Урале (М. Рауда, Д. Вааранди, Я. Кярнера). Написанные в мрачные дни фашистской оккупации стихотворения Юхана Сютисте («Душные дни», 1942—1944), особенно цикл шекспировских по духу и форме сонетов «Любовь», при всей интимности несут в себе глубокое общечеловеческо-гуманистическое начало, антифашистское в своей основе. Любовь дает поэту веру в свои силы, в жизнь, в великие идеалы свободы, помогает ему выстоять в нечеловечески трудных условиях — в этом отношении «Душные дни» Сютисте идейно и эмоционально перекликаются с известной «Моабитской тетрадой» татарского советского поэта Мусы Джалиля. Если попытаться проследить пути реализации ленинских принципов интернационализма литературы в Советской Эстонии послевоенных десятилетий, то можно выделить несколько основных направлений. Продолжается плодотворный процесс вызревания интернационального качества в глубинах национального, неотрывный от общего процесса формирования социалистического реализма в эстонской литературе. В этой связи следует прежде всего назвать такие произведения, как «Берег ветров» Ааду Хинта (1951—1966), «Сердца молодых» Эрни Крустена (1954—1956), «Земля и народ» Рудольфа Сирге (1956), «Дворцы Вассаров» Ганса Леберехта (1960), представляющие собой художественные исследования истории революционной борьбы эстонского народа в жанре романа-эпопеи. Интернациональное проявляется здесь прежде всего в том, как эстонские писатели историко-революционной темы прослеживают действие общенсторических закономерностей революционной борьбы народов за победу социализма в специфических условиях Эстонии путем художественного анализа своеобразной расстановки классовых сил в эпоху революций 1905, 1917 и 1940 гг., сложных диалектических соотношений человека и народа, национального и социального в переломные моменты истории. Революционная борьба эстонского крестьянства против немецких баронов и пасторов, а также царских жандармов и карателей накануне и в эпоху первой русской революции составляет сюжет как I тома «Берега ветров», так и «Сердца молодых»; революционная борьба российского пролетариата от периода, следовавшего за поражением революции 1905 года,

¹² Там же, стр. 135.

вплоть до начала 1920-х годов — исторический фон «Дворцов Вассаров»; социалистическая революция 1940 года в эстонской деревне — главный двигатель сюжета «Земли и народа». Однако если бы авторы названных романов ограничились только этим, мы имели бы в лучшем случае дело лишь с более или менее талантливыми художественными иллюстрациями известных исторических событий, не больше. Заслуга писателей состоит как раз в том, насколько им, исходя из конкретного художественного исследования истории революционной борьбы своего народа, удалось увидеть общезначимое — в особенном, национально-своеобразном, раскрывающем какие-то новые грани этого общего, несущем в себе новую художественную информацию о формах проявления общеисторической закономерности. Так, в «Береге ветров» рассматриваются разные коллизии диалектики человека и народа на исторических перепутьях XX века, отражающие в национально-специфической форме общие закономерности переходной от капитализма к социализму эпохи. Изображенная писателем трагедия Гыниса Тиху — это трагедия сильного человека из народа, который порывает связывавшие его с трудовым народом Сааремаа нити, став капиталистом-предпринимателем, но так и не находит счастья в деньгах и приобретательстве. В III томе «Берега ветров» проблема выбора пути, столь важная для эстонцев в XX столетии, прямо связывается с социалистической революцией; герой этого тома Ионас Тиху, «богач из бедняков», на горьком опыте познает крах собственнических иллюзий и тернистым путем, через царскую охранку и каторгу, приходит к пусть не столь сознательному, сколь эмоциональному выбору в пользу революции. Герой IV тома эпопеи Энн Тиху, учитель, а затем писатель из народа, приходит к революционной правде через глубоко личное осознание страданий своего народа, воспринимаемых им вначале через призму постигнутого многих островитян страшного заболевания — проказы, осмысленной затем как проказа социальная и, в более широком плане, как угнетенное положение трудящихся при капитализме. В романе Г. Леберехта «Дворцы Вассаров» эпоха трех русских революций своеобразно преломляется через призму семейной хроники живущих в Петрограде эстонских рабочих братьев Вассаров, ушедших от активной революционной борьбы в мир поисков своего индивидуального «дворца» — поисков, оказавшихся в итоге иллюзорными и даже трагическими для Германа Вассара; брат же его Эдуард обретает счастье, лишь вернувшись в большую рабочую семью созидателей нового, социалистического мира. В романе Р. Сирге «Земля и народ» исследуется сложная диалектика национального и социального в переломные 1940—1941 гг., и в этом плане особенно примечательна судьба главного персонажа Петера Логина. Опираясь на реальную историю эстонского крестьянства, Р. Сирге рисует этого зажиточного хуторянина глубоко диалектически. Он показывает и позитивную в свое время роль подобных Петеру хуторян, в которых труженик был еще неотрывен от собственника, но с годами эти люди все более уподоблялись паразитирующим на родной земле пням, вырвать которые было тем более трудно, что они пустили в ней глубокие корни. Революционный переворот в жизни эстонского крестьянства в 1940—1941 гг. для подобных людей был особенно драматичен. Сцена раскулачивания Петера Логина воспроизведена писателем с подлинной трагедийностью, но в то же время она убедительно говорит о неизбежности ухода подобных Петеру людей с социальной арены. В этом романе показана и обратная сторона того же явления — трагедия безземельного батрака Сасся, так и не сумевшего из-за укоренившейся в нем рабской психологии сделать решительный выбор в пользу нового в эстонской жизни 1940—1941 гг. и ставшего в итоге жертвой своих мнимых «благодетелей» — кулаков.

Рассмотренные нами коллизии в романах Хинта, Леберехта, Сирге являют собою, на наш взгляд, художественно наиболее значительные отображения национально-своеобразного для Эстонии и эстонцев на пути к победе социалистической революции. В то же время здесь следует искать и ключ к раскрытию интернациональной общезначимости этих произведений. Думается, в «Береге ветров» — это проходящая красной нитью через сложные судьбы его героев мысль о глубокой народности правды социалистической революции, к которой лучшие из них с логической неизбежностью приходят при всей своеобразности их индивидуальных путей и шире — национально-исторических пу-

тей того или иного народа в нашу эпоху. Эта же мысль становится организующим началом эпоса нашего времени, критерием подлинной народности и нравственности той или иной конкретной личности. В «Дворцах Вассаров» ключ к пониманию его интернационального смысла лежит в пронизывающей роман глубоко современной мысли об опасности обмещания трудящихся, о глубокой порочности и иллюзорности ухода от мира социальной борьбы в поиски своего «индивидуального дворца». Интересно, что именно в таком аспекте роман был прочитан критикой и в ГДР¹³. «Земля и народ», может быть, наиболее локальное по месту действия, составу действующих лиц и т. п. из рассматриваемых произведений историко-революционного жанра. Но, как справедливо отметил критик О. Михайлов, «отправляясь от достоверного, хотя и ограниченного материала, Р. Сирге достигает значительных философских и художественных обобщений».¹⁴ Добивается он этого глубиной постижения не только социальной, но и психологической сути происшедшего в жизни эстонского народа перелома через раскрытие своеобразия судьбы Петера Логина как трагедии на стыке двух эпох, отражающей глубокий драматизм рождения нового жизненного уклада. Как мы видим, интернациональная значимость эстонского советского историко-революционного романа определяется не только не вопреки — скорее именно благодаря национально-специфическим его качествам, в чем нельзя не увидеть диалектического единства национального и интернационального.

Для эстонского советского романа о Великой Отечественной войне центральной становится проблема формирования нового, социалистического качества эстонского национального характера в горниле военных испытаний, а одним из важнейших ее аспектов — мировоззренческая и нравственная трансформация эстонцев — выходцев из буржуазного общества в ходе войны. Закономерно, что в произведениях о Великой Отечественной войне любой из национальных литератур нашей страны в первую очередь отображается всенародная борьба с фашистскими захватчиками. Это общее для всей советской военно-художественной литературы преломляется в эстонском военном романе через призму специфической для Эстонии 1941—1945 гг. исторической ситуации и расстановки классовых сил; военный роман («Солдаты идут домой» Г. Леберехта, 1957; «Два «я» Энна Кальма» П. Куусберга, 1961) облекается в форму повествования о боевом пути Эстонского национального корпуса Советской Армии; в проблеме формирования нового, социалистического качества эстонского национального характера (включающей и проблему мировоззренческой и нравственной трансформации человека с двумя «я») как бы фокусируется общее и национально-специфическое для Эстонии военных лет. Так, в романе П. Куусберга остро ставится вопрос о мировоззренческой трансформации человека — выходца из буржуазного общества. В герое романа Энне Кальме как бы противостоят два «я» — одно из них честное, труженическое, любящее родную Эстонию и желающее видеть ее свободной от фашистов; другое — скептическое, озлобленное, отравленное ядом антирусского и антисоветского шовинизма под влиянием буржуазного воспитания в довоенной Эстонии. Противоборство этих двух начал (реализуемое как в реалистическом, так и в условном плане, через диалоги двух «я» «внутри» Энна Кальма) и представляет нам средоточие интересующей нас в данном случае проблематики; победа лучшего и человечнейшего «я» в характере Энна Кальма, обусловленная и логикой истории, и нелегкими испытаниями, выпавшими на долю этого человека, знаменует собой одновременно и победу нового, социалистического качества в эстонском национальном характере. В другом романе П. Куусберга «В разгаре лета» (1966), изображающем события первых месяцев войны в Эстонии, коллизия двух «я» применительно к трагической судьбе инженера Элиаса доводится писателем до негативной развязки, убедительно свидетельствующей о невозможности третьего пути. Как мы видим, эстонский советский роман о Великой Отечественной войне, разрабатывая тему всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на эстонском материале,

¹³ Н. Кремпен, Rez. (Leberecht, Hans. Die Paläste der Wassars...). "Der Bibliothekar", 1963, Heft 9, s. 938—941.

¹⁴ О. Михайлов, Летопись судеб народных. «Литературная газета», 9/II 1963.

интересен в свете рассматриваемой нами диалектики в первую очередь тем, что ставит в центр проблему становления нового качества эстонского национального характера, доходя при этом до остроты и драматизма мировоззренческого конфликта между людьми одной и той же нации, до коллизии двух «я» в душе одного человека. Эта же коллизия раскрывается Эгоном Раннетом в пьесе «Блудный сын» (1958) как трагедия блудного сына своей Родины — субъективно честного, но обманутого врагом Марта Туйска, заброшенного после войны в качестве диверсанта в родную Эстонию и за нелегкое прозрение вынужденного платить ценой собственной жизни. В этих произведениях отразилась специфическая для Эстонии проблематика, связанная с событиями минувшей войны. Но в них же нельзя не увидеть национально-специфического преломления (и отображения) общеисторической закономерности при переходе от капитализма к социализму — того, что принято называть трагедией поисков третьего пути, социальных заблуждений на историческом перепутье и что нашло художественное отображение как в других литературах Советской Прибалтики («Лестница в небо» М. Слуккиса, «Кровь и пепел» Ю. Марцинкявичюса), так и в произведениях ряда писателей восточноевропейских стран социализма, где проходили схожие социально-психологические процессы («Пепел и алмаз» Е. Анджеевского, «Приключения Вернера Хольта» Д. Нолля, «Мертвые не поют» Р. Яшика и др.). Думается, интернациональная значимость подобных произведений заключается в типологической характерности художественно раскрытого в них явления для перехода народов этих стран к социализму и важности его для других народов. Этим же можно объяснить и широкую международную популярность пьесы Эгона Раннета «Блудный сын», увидевшей свет рампы во многих театрах ГДР, Венгрии, Болгарии и других стран Восточной Европы — аспект, найденный Э. Раннетом при разработке этого явления на эстонском материале, оказался одновременно и свежим и весьма поучительным для восточноевропейских стран социализма, как отмечала, например, театральная критика Болгарии.¹⁵

В эстонском советском романе 60-х годов о явлениях послевоенного периода («Прощество с Андресом Лапетеусом» П. Куусберга, 1963, «Одноклассники» В. Гросса, 1964) ставятся общесоветские идеологические и нравственные проблемы, связанные с восстановлением ленинских норм нашей жизни после XX съезда КПСС, и решаются на материале эстонской действительности 40-х и 50-х годов. В первом романе речь идет о перерождении бывшего фронтовика, после войны ответственного работника Андреса Лапетеуса в карьериста и приспособленца под влиянием негативных факторов как общественного, так и личного плана. При всей национальной характерности персонажей этих романов, при всем том, сколь важное место занимают в их содержании специфичные для Прибалтики 40—50-х годов вопросы (напр., коллизия двух друзей-одноклассников, оказавшихся в годы войны по разные стороны линии фронта, в романе В. Гросса), можно говорить о ведущей роли в их проблематике общесоветского начала.

В повестях («кратких романах») молодых эстонских писателей 60-х годов поднимаются интересные нравственные вопросы советской жизни наших дней, решаемые на эстонском материале. Так, в «Монументе» Э. Ветемаа (1965), представляющем собой сатирическое саморазоблачение современного карьериста и приспособленца от искусства Свена Вооре, речь идет о злокачественном новообразовании, сформировавшемся в душе молодого человека нашей эпохи, воспитанного в советской школе и вузе — о таком явлении, генезис которого уже пережитками прошлого не объяснишь. Восприятие этой повести всесоюзной общественностью наглядно показало общеинтересность поднятой в ней проблемы формирования человека, для достижения безнравственных целей демагогически пользующегося высоконравственными лозунгами нашего времени.

В проблематике эстонского советского романа 60-х годов наблюдается известное возрастание удельного веса общесоветско-интернационального начала, точнее — острые нравственные проблемы эстонской советской действительности, трактуемые в них, оказываются все более общезначимыми для советского читателя любой национальности.

¹⁵ М. Георгиева, Две постановки на Видинский театр. «Театър», 1960, № 5, стр. 38.

Как один из путей воплощения в эстонской литературе ленинских принципов интернационализма можно рассматривать и создание произведений на интернациональную тему, с интернациональным составом действующих лиц. В жанре романа — это «Деревня без мужчин» Лилли Промет (1962) и «Стая белых ворон» Эме Безкман (1967). В первом из них, действие которого разворачивается зимой 1941—1942 гг. в глубоком советском тылу, в татарской деревне Такмак, нелегкий процесс приобщения эвакуированных эстонцев к советскому образу жизни рассматривается писательницей в тесной связи со становлением у них интернационального чувства к представителям других народов Советской страны — русским, татарам и т. п., введение которых в число действующих лиц романа, естественное и с точки зрения жизненной достоверности, представляется, таким образом, и художественно мотивированным. В романе Эме Безкман центральная для него проблематика нравственной и творческой ценности советского молодого человека нашего времени решается на материале разных судеб интернациональной по своему составу группы выпускников ВГИКа середины 50-х годов. В основном это повествование о несостоявшихся талантах, несостоявшемся личном счастье одних и творческой удаче других; произведение же в целом можно рассматривать как серьезное раздумье о труде, таланте и подлинной нравственности советского человека и художника в аспекте морально-этических критериев нашего времени. Интернациональность состава действующих лиц еще более подчеркивает общезначимость рассматриваемых писательницей проблем для советских людей любой национальности.

В таких романах о Великой Отечественной войне, как «Фронтальная сестра» Л. Вахер (1965) и «В разгаре лета» П. Куусберга, сцены боевого братства советских людей разных национальностей в совместной борьбе против фашизма возникают естественно, ненавязчиво; образы русских советских воинов Таурова, Вальдова, Иванова и Олеси в романе Вахер, моряка-лейтенанта Сергея Денисова в романе Куусберга играют существенную роль в эволюции главных героев этих произведений — эстонцев. Так, боец истребительного батальона Олев Соокаскь, главный герой романа «В разгаре лета», познает силу интернационального братства советских людей через совершенный Денисовым подвиг самопожертвования — ради спасения его, Олева, молодой жизни. В общей концепции романа факт этот, неоднократно упоминаемый Олевым, играет тем более существенную роль, что на противоположном полюсе произведения эстонский фашист Ойдекопп толкает эстонца же инженера Элиаса на гибельный путь служения фашизму, который Элиас так и не принял, но что еще более усугубило трагедию безысходности, кончающуюся самоубийством этого человека. Думается, такая трактовка эстонскими советскими писателями интернациональной темы — в глубоко концептуальном плане — какая имеет место в названных романах 60-х годов, может рассматриваться как значительный шаг вперед в ее разработке вглубь, по сравнению с чисто иллюстративным решением этой темы, имевшим место в некоторых произведениях первого послевоенного десятилетия.

Одним из важнейших путей, по которому в литературе Советской Эстонии реализуются принципы интернационализма литературы, являются путевые очерки эстонских писателей о поездках по СССР и зарубежным странам. Эта форма, имеющая давние традиции в эстонской литературе (путевые очерки Ф. Тугласа, И. Семпера и др.), получила в советское время плодотворное развитие и качественно новое наполнение. Характерное для писателей небольшого народа стремление увидеть мир своим неповторимым взглядом, открыть в нем новые для своего народа гуманистические и культурные ценности обогатилось в советскую эпоху чувством социалистического интернационализма и советского патриотизма, обуславливающим новые идейно-эстетические качества традиционной для эстонской литературы формы. В таких произведениях Леннарта Мери о путешествиях по Советской стране, как «По следам кобр и каракуртов» (1959), «Три байдарки в зеленом океане» (1961), «В поисках потерянной улыбки» (1964), читатель находит не только интересное описание путешествий по малознакомым ему местам Средней Азии, Якутии и Камчатки, не только содержательную информацию из области истории, географии и этнографии, но главное — пронизывающее эти книги глубоко интернационалистическое чувство гордости за всю Советскую страну, равноправным

хозяйном природных богатств которой он себя теперь ощущает, гуманистическое чувство братства со всеми народностями нашей страны — малыми и большими. В путевых очерках Юхана Смуула «Японское море, декабрь» (1963) традиционная литературная форма обретает новаторские качества повествования о положительном герое советского общества, человеке научного подвига, исследующем глубины моря и высоты атмосферы — наиболее ярким образцом которого является человек, «в котором жив Моцарт» — Иегн Иванович Корягин.

За последнее десятилетие в Эстонии опубликовано свыше двух десятков путевых очерков и книг о зарубежных поездках, авторами которых являются Юхан Смуул, Дебора Вааранди, Ральф Парве, Лилли Промет, Владимир и Эме Бежманы, Иоганнес Семпер, Рудольф Сирге, Вольдемар Пансо, Олаф Утть, Айра Кааль и другие. Произведения эти интересны не только описанием далеких стран, культуры, обычаев и нравов их народов, произведения эти следует рассматривать как своеобразную форму отражения в эстонской советской литературе инонациональной тематики и проблематики современной международной жизни через призму восприятия ее советским писателем-интернационалистом. В этой связи очень показательна, например, книга Владимира Бежмана «Далекая страна — Бразилия» (1963), автор которой сумел разглядеть за пыльным фасадом Копакабаны чудовищную нищету бразильской фавелы и дать справедливую, глубоко партийную оценку всему увиденному и услышанному за рубежом. В одной из глав этой книги — «Кое-что о национальном вопросе», рассказывающей о теплом приеме, оказанном советской делегации армянской колонией в далеком Сан-Пауло, Владимир Бежман с позиций советского писателя-интернационалиста размышляет о проблеме национального и интернационального и говорит в связи с этим о духовном ничтожестве тех эстонских эмигрантов, кто в националистическом ослеплении не видит и не желает видеть сегодняшнего дня Советской Эстонии, ее успехов и достижений. И Юхан Смуул в своей «Ледовой книге» (1959) не остается безучастным к подобным проблемам. С горькой иронией пишет он, например, об эстонском рабочем-эмигранте, встреченном им в далекой Австралии, у которого есть все, не хватает ему лишь Таллина и рюмки настоящей водки... «Родина — неперебиваемое слово, — комментирует этот случай Юхан Смуул. — Содержание его слишком велико. Мой гость выразил его с помощью двух понятий. И, дружески расставшись с ним, я подумал, что Таллин и стопка водки — не такое уж неудачное определение...».¹⁶ В «Ледовой книге» Смуул активно включается в полемику и по другим важнейшим проблемам нашей современности. В беседе с австралийским писателем Ламберсом он отстаивает принципы социалистического гуманизма и морали, утверждая, что в здоровом коллективе советских людей — таком, как коллектив антарктической станции «Комсомольская», в котором советский писатель прожил немало времени, даже в самых тяжелых обстоятельствах человек человеку не станет волком, что бы на этот счет ни утверждал буржуазный писатель Ламберс. Главным же достоинством «Ледовой книги», снискавшим ей необычайно широкую интернациональную популярность и признание во всем мире (на сегодняшний день это наиболее известное за границами родного языка произведение эстонской литературы), является богатство духовного мира ее лирического героя — советского писателя Юхана Смуула, мира его чувств и размышлений о времени и о себе, открывая который зарубежный читатель учится познавать самое существо характера современного советского человека. Характер этот раскрывается перед нами лирическими средствами, с мягким, ненавязчивым юмором, что способствует созданию необычайно доверительной, искренней атмосферы в отношениях между читателем и писателем. Главное богатство этого характера — в его интернационально-гуманистической наполненности, что особенно привлекает к нему сердца людей любой национальности. Подтверждается это широкой международной рецепцией «Ледовой книги»,¹⁷ раскрывающей в

¹⁶ Ю. Смуул, Ледовая книга. М., 1962, стр. 280—281.

¹⁷ См. S. Machoni, Dobrodružství cest a myšlenek. "Ledová kniha" J. Smuula. "Rude Pravo", 22. VII 1961; W. Lehmann, Smuul Juhan: Das Eisbuch. "Der Bibliothekar", 1963, Heft 2, стр. 154—156; B. Wagner. En bok om is. "Ny Dag", 26. VII 1961; R. Daglish. Time off in Tallinn. "Anglo-Soviet Journal", 1962, vol. XXIII, nr. 1, стр. 5—8; M. Pons. Etonnante Estonie. "Le Monde", 10. V 1962.

первую очередь именно эти аспекты книги Юхана Смуула. Таким образом, можно говорить о том, что эстонский советский писатель в форме путевого дневника создал высокохудожественное произведение подлинно интернационального значения в ленинском понимании этих слов.

*

Как реализацию ленинских принципов интернационализма литературы следует рассматривать и ставший реальностью лишь в советскую эпоху широкий выход лучших произведений эстонских писателей на всесоюзную и международную арену и, с другой стороны, обогащение национальной культуры эстонского народа лучшими произведениями русской классической и советской литературы, литературы народов СССР и зарубежных стран. Это — предмет специального исследования, выходящего за рамки настоящей статьи; однако далеко не случайным в свете рассмотренной нами проблематики представляется то обстоятельство, что наиболее широко прозвучавшими во всесоюзном и международном масштабе произведениями эстонской советской литературы оказались книги, несущие в себе наибольший интернациональный заряд — в первую очередь «Ледовая книга» Юхана Смуула. Историко-революционные романы А. Хинта, Р. Сирге, Г. Леберехта оказались ценны теми своеобразными аспектами преломления в них общесоциальной закономерности, о которых выше шла речь; произведения о минувшей войне и ее социально-психологических последствиях для эстонского народа (особенно произведения П. Куусберга и Э. Раннета) своей проблематикой человека на перепутье двух миров, в которой национально-своеобразно преломилась исторически повторяющаяся закономерность и сложность рождения нового мироощущения при переходе народов к социализму; современный эстонский роман (П. Куусберга, Э. Ветемаа и др.) — своей остросовременной нравственной проблематикой, имеющей общесоветское значение. В самом выходе этих произведений на всесоюзную и международную арену, в том, как они вписались в общесоветский литературный процесс и были восприняты иноязычной аудиторией, нельзя не увидеть реализацию ленинских идей сближения литератур социалистических наций, равно как и в массовом вхождении лучших произведений других литератур — в первую очередь советской, а также социалистической, прогрессивной литературы зарубежных народов — в культурную жизнь Советской Эстонии, способствующем созданию в ней подлинно интернационалистической культурной атмосферы.

Таким образом, пути воплощения ленинских принципов интернационализма в литературе Советской Эстонии многообразны, они включают в себя и процесс формирования интернационального качества в национально-своеобразном, и разработку интернациональной тематики, и трактовку писателями проблем национального и интернационального в своих произведениях с марксистско-ленинских позиций, и взаимообмен литературными ценностями с другими народами, способствующий сближению и взаимообогащению социалистических культур. Следование этим принципам приводит в литературе к созданию произведений подлинно интернационального значения, способствующих «формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества».¹⁸

*Институт языка и литературы
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
19/XI 1969

N. BASSEL

LENINLIKUD INTERNATSIONALISMI PRINTSIIBID JA NENDE KEHASTUMINE NÕUKOGUDE EESTI KIRJANDUSES

Resümee

Leninlikus sotsialistliku kultuuri kontseptsioonis etendab olulist osa internatsionaalse ja rahvusliku dialektika, milles leiavad orgaanilist edasiarendamist leninliku rah-

¹⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 115.

vuspoliitika põhiprintsiibid. V. I. Lenini järjekindel internatsionalism rahvuskultuuri küsimustes avaldub tema õpetuses kahest kultuurist iga rahva kultuuris, selles peituvate internatsionalistlike ja demokraatlike elementide esiletõstmises. Pooldades rahvuslike kultuuripotentsiaalide igakülgset väljaarendamist sotsialismi tingimustes, näeb V. I. Lenin nende tulevikuperspektiivi rahvuskultuuride järjekindlas lähenemises ja vastastikusel rikastumises, üldinimliku internatsionaalse kultuuri kujundamises. Internatsionaalse kvaliteedi väljakujunemist rahvuskultuuri rüpes seostab V. I. Lenin oma rahva elu sügava kunstilise tunnetamisega. Sel teel selgunud ideelis-filosoofilised ja esteetilised väärtused võivad osutada olulisteks ka teiste rahvastele, kogu inimkonnale.

Sellest vaatevinklist omandavad üldinimliku tähtsuse ka sellised eesti klassikalised kirjanduse suurteosed nagu A. H. Tammsaare «Tõde ja õigus» (1926—1933) ja «Põrgupõhja uus Vanapagan» (1939). Proletaarse internatsionalismi jooni leiame juba eesti proletaarse romaani (Eessaare Aadu «Linnupriid», 1922; Juhan Madariku «Riigikukatjad», 1929, ja «Vabariik», 1936—1941). Fašismivastane internatsionalistlik idee avaldub eredalt E. Tammlaane näidendis «Raudne kodu» (1937). Ta lähendab ka progressiivsemaid eesti luuletajaid, nagu A. Alle, J. Barbarus, J. Semper jt., sotsialistliku internatsionalismi positsioonidele.

Eriti oluliseks saab see traditsioon eesti nõukogude kirjandusele. Rikastatuna marksistlik-leninliku maailmavaatega, rahvusliku kultuuripinnase uue kvaliteediga, annab ta sotsialismi tingimustes viljakaid tulemusi. See avaldub juba sellistes 1941. aastal ilmunud teostes nagu J. Sütiste luuletus «Gruusiale» ja A. Jakobsoni jutustus «Tuusik». Eriti tähtsaks saab sotsialistliku internatsionalismi idee Suure Isamaasõja aegses eesti nõukogude luules ja proosas, ühinedes antifašistliku patriotismitudendega. Sõjajärgseil aastakümneil võib eesti nõukogude kirjanduses täheldada mitut leninlike internatsionalismi printsiipide realiseerumise suunda. Ajaloolis-revolutsioonilises romaanis (A. Hindi «Tuuline rand», 1951—1966; E. Krusteni «Noorte südamed», 1954—1956; R. Sirge «Maa ja rahvas», 1956; H. Leberechti «Vassarite paleed», 1960) on sellikes suunaks revolutsioonilise võitluse üldiste seaduspärasuste jälgimine nende spetsiifiliste sotsiaalpsühholoogiliste avaldusvormide kaudu Eesti oludes, Suure Isamaasõja ainelises romaanis (eriti P. Kuusbergi teostes «Enn Kalmu kaks mina», 1961, ja «Südasuvel» 1966, ka E. Ranneti näidendis «Kadunud poeg», 1958) on selleks uue sotsialistliku elutunnetuse sünni ja ajaloo teelahkmel seisva inimese dramaatika kui ajalooliselt korduva sotsiaalpsühholoogilise nähtuse avamine, 60-ndate aastate kaasajaainelises romaanis aga — üldnõukoguliku tähtsusega ideoloogiliste ja kõlbeliste probleemide käsitlemine. Olulise tähtsusega on eesti nõukogude romaanis ka internatsionaalne temaatika (L. Prometi «Mees-teta küla», 1962; A. Beekmani «Valgete vareste parv», 1967) ja rahvaste sõpruse teema selline käsitlus (näit. P. Kuusbergi ja L. Vaheri sõjaraamandis), mis mõjutab oluliselt teose kontseptsiooni. Leninlikud internatsionalismi printsiibid kehastuvad eredalt Nõukogude Eesti reisikirjeldustes, eriti Juhan Smuuli internatsionalistliku ja humanistliku laenguga väljapaistvas teoses «Jäine raamat» (1959), ka tema teoses «Jaapani meri, detsember» (1963) ja Lennart Mere nõukogude ainstikku käsitlevates reisiraamatutes. Eesti nõukogude kirjanduse parimate teoste internatsionalistlik laeng on ühtlasi oluliseks eelduseks nende laialdasele üleliidulisele ja rahvusvahelisele levikule. See aga on tähtsamaid leninliku internatsionalismi realiseerimise teid kaasaegses kirjandusel.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Keele ja Kirjanduse Instituut

Saabus toimetusse
19. XI 1969

N. BASSEL

DIE LENINSCHEN PRINZIPIEN DES INTERNATIONALISMUS IN DER LITERATUR UND IHRE VERKÖRPERUNG IN DER SOWJETESTNISCHEN LITERATUR

Zusammenfassung

In der Leninschen Konzeption der sozialistischen Kultur spielt die Dialektik des Internationalen und des Nationalen eine wichtige Rolle. Hier finden die Hauptprinzipien der Leninschen Nationalpolitik ihre weitere organische Entwicklung. Der konsequente Internationalismus W. I. Lenins in Fragen der Nationalkultur kommt in seiner Lehre über die zwei Kulturen in der Kultur eines jeden Volkes zum Ausdruck, desgleichen in der Hervorhebung der sich in ihr befindenden internationalen und demokratischen Elemente. Lenin betont die allseitige Entwicklung der nationalen Leistungsfähigkeit im Sozialismus und erblickt die Zukunftsperspektive in der konsequenten Annäherung und gegenseitigen Bereicherung der Nationalkulturen, in der Entstehung einer allgemeinhenschlichen internationalen Kultur. Die Herausbildung internationaler Qualität im Schoße der Nationalkultur verbindet W. I. Lenin mit einem tiefen künstlerischen Erkennen des Lebens des betreffenden Volkes — die auf diese Weise gefundenen ideologisch-

philosophischen und ästhetischen Werte können auch für andere Völker und für die ganze Menschheit gültig sein.

Unter diesem Gesichtswinkel erhalten auch solche Meisterwerke der estnischen klassischen Literatur wie "Wahrheit und Recht" (1926—1933) und "Satan mit gefälschtem Paß" (1939) von A. H. Tammsaare eine allgemeinmenschliche Bedeutung. Züge des proletarischen Internationalismus finden wir schon im estnischen proletarischen Roman ("Vogelfreie" (1922) von Eessaare Aadu, "Die Staatsumstürzler" (1929) und "Die Republik" (1936—1941) von Juhan Madarik). Die antifaschistische internationale Idee tritt treffend im Schauspiel von E. Tammlaan "Das eiserne Haus" (1937) zutage und bringt auch progressivere estnische Dichter wie A. Alle, J. Barbarus, J. Semper u. a. an die Positionen des sozialistischen Internationalismus näher heran.

Die Leninsche Tradition wurde für die sowjetestnische Literatur maßgebend: durch die marxistisch-leninistische Weltanschauung und eine neue Qualität des nationalen Bodens bereichert, ergab sie im Sozialismus Vortreffliches. Das kommt bereits in solchen Werken des Jahres 1941 zum Ausdruck, wie das Gedicht von J. Sütiste "An Grusinien", die Erzählung von A. Jakobson "Einweisungsschein" u. a. Besonders wichtig wird die Idee des sozialistischen Internationalismus in der estnischen sowjetischen Poesie und Prosa des Großen Vaterländischen Krieges, wo sie sich mit dem antifaschistischen patriotischen Empfinden vereinigt. In den Nachkriegsjahrzehnten kann man in der sowjetestnischen Literatur mehrere Richtungen beobachten, welche die Prinzipien des Leninschen Internationalismus verwirklichen. Im historisch-revolutionären Roman ("Strand der Winde" von A. Hint, 1951—1966; "Junge Herzen" von E. Krusten, 1954—1956; "Land und Volk" von R. Sirge, 1956; "Die Paläste der Wassars" von H. Leberecht, 1960) ist es das Beobachten allgemeiner Gesetzmäßigkeiten des revolutionären Kampfes durch ihre spezifischen sozialpsychologischen Ausdrucksformen in den Verhältnissen Estlands. Im Roman über den Großen Vaterländischen Krieg (besonders in P. Kuusbergs Werken "Die zwei "Ich" des Enn Kalm" (1961) und "Mitten im Sommer" (1966) ist es die Erschließung des dramatischen Werdens der neuen sozialistischen Lebenserkenntnis und des am Scheidewege der Geschichte stehenden Menschen als einer historisch sich wiederholenden sozialpsychologischen Erscheinung (das trifft auch fürs Bühnenwerk von E. Rannet "Der verlorene Sohn" (1958) zu). Im Gegenwartsroman der sechziger Jahre ist es die Behandlung solcher ideologischer und moralischer Probleme, die von allgemeinsowjetischer Bedeutung sind. Von wesentlicher Bedeutung ist auch die internationale Thematik des sowjetestnischen Romans ("Das Dorf ohne Männer" von L. Promet, 1962; "Der Schwarm weißer Krähen" von A. Beekman, 1967) und eine solche Behandlung des Themas der Völkerfreundschaft in literarischen Werken (z. B. in den Kriegeromanen von P. Kuusberg und L. Vaher), die in der Konzeption des Werkes eine wesentliche Rolle spielt. Die Leninschen Prinzipien des Internationalismus werden treffend in den Reisebeschreibungen angewandt, besonders im "Eisbuch" von Juhan Smuul (1959) einem hervorragenden Werk von internationaler humanistischer Stimmung, wie auch im Werke desselben Schriftstellers "Das Japanische Meer, Dezember" (1963) und in den die sowjetische Thematik behandelnden Reisebeschreibungen von Lennart Meri. Das Internationale der besten Werke der estnischen Sowjetliteratur ist gleichzeitig eine wesentliche Voraussetzung ihrer die gesamte Sowjetunion umfassenden und internationalen Verbreitung, was auch eines der wichtigsten Wege zur Verwirklichung des Leninschen Internationalismus im zeitgenössischen literarischen Leben bildet.

Institut für Sprache und Literatur
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR

Eingegangen
am 19. Nov. 1969